

УДК 821.161.1.09«1917/1991»

ФЕСЕНКО *Эмилия Яковлевна*, кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и истории литературы гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. Автор 58 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий, 4 учебных пособий

«АРКТИЧЕСКАЯ» ПОВЕСТЬ БОРИСА ПИЛЬНЯКА «ЗАВОЛОЧЬЕ»

В статье исследуется повесть Бориса Пильняка «Заволочье», материалом для которой послужили впечатления писателя, участвовавшего в научной экспедиции на остров Шпицберген в 1924 году, что позволяет расширить аспект изучения феномена северного текста русской литературы XX века.

Ключевые слова: Арктика, натурфилософская тематика, «орнаментальная» проза, мотивный спектр, психологические портреты, стиль.

Б.А. Пильняк в 20-е годы XX века стал одним из лидеров авангардного искусства революционной России. По определению его современников, по книгам этого писателя можно было проследить «девять десятых судьбы» прозы революционной эпохи, а революцию он «принял... по-бунтарскому» (А. Воронский). В своем восприятии революции как символа ломки, исторических перемен, Б. Пильняк находился в русле русской литературы: достаточно вспомнить описание бурана в «Капитанской дочке» А. Пушкина перед восстанием Емельяна Пугачева, «ветер, ветер на всем белом свете» в блоковской поэме «Двенадцать», чтобы возникли ассоциации со строчкой из романа «Голый год»: «Россия. Революция. Метель».

Образы ветра, снега в прямом и метафорическом смысле не раз появлялись в творчестве Б. Пильняка: в рассказе «Человеческий

ветер» «под каждой страной дуют свои ветры»; в «Старом доме» в 1917 году «страшная голодная гроза прошла по России, все разнесла <...> все развеяла, все переморозила и перегрела в жарах и гололедицах»; в рассказе «Снег» действие происходило в «деревушке, придавленной снегом к земле... Небо было бело, воздух – бел, солнце не выходило из белых же облаков», вокруг был синий снег – «снег, снег, снег и небо, а звезды казались огромными, небо – атласным, синим, снег – бархатным, зеленоватым» [5, с. 370–395].

Природа в произведениях Пильняка всегда была связана с человеком. Суровая красота Арктики не оставила его равнодушным: во время экспедиции на Шпицберген вокруг себя он видел «айсберги необыкновенных, прекрасных форм, ледяные замки, ледяные корабли, ледяные лебеди. Мир исполнен был тишиной

и солнцем», арктическая ночь была загадочной и, казалось, что «быть может, горит над землей северное сияние, быть может, метет метель, быть может, светит луна, такая, что все, все земли и горы начинают казаться луной: ...была луна и казалось, что кругом – не горы, а кусок луны, луна сошла на землю. Была невероятная луна, диаметром в аршин, и блики на воде, на льдах, на снегу казались величиной в самую луну, сотни лун рождались на земле» [6, с. 15].

Образ луны всегда волновал Пильняка. Он вспоминал остров Шпицберген, когда описывал луну в финале своей «Нерожденной повести»: «...Круглая, зеленая, полная, – нет, не так, – сухая, подмороженная, ледяная. – Нет, не так, – безразличная, покойная, черствая, добрая, глупая, – нет, нет, не так: поди ж ты, светит и мне в Москве, и в Мадриде, и в Париже, и на Шпицбергене, быть может, знакомый ... приятель, глядит на нее из Лондона и обо мне подумал, – луна, как рубль (если луна в море отражается, можно сказать – «рубль луны разменен на серебряные пятаки водою», – это хорошо сказано, луна, как горшок, – нет, не придумаешь, все сказано), какое слово не придумай, – все перебрали. Так я и не придумал слово для луны». Он «найдет» это слово в метафорическом названии своей «Повести непогашенной луны», напечатанной впервые в одном сборнике вместе с его повестью «Заволочье».

Критик А. Воронский был одним из первых, кто обратил внимание на интерес Б. Пильняка к натурфилософской тематике: писатель исследовал взаимосвязь природы и человеческой природы, биологические законы «стихийной повторяемости мира», человеческие инстинкты, в которых порой проявлялась «звериная правда» плоти, а также оппозицию жизнь–смерть, резко обострившуюся в российском обществе в начале XX века. По утверждению А. Воронского, Пильняк – писатель «физиологический». Люди у него «похожи на зверей, звери как люди <...> Пильняк тянется к природе как к праматери, к первообразу звериной правды жизни. <...> В сущности, и природа, и эта звериная жизнь у Пильняка скорбны» [1, с. 105–107].

Все это только подтверждает нашу мысль о том, что писатель Борис Пильняк не мог не оказаться на Севере, где царил первозданная природа, почти «звериная правда жизни», где могли жить только сильные люди. Из Архангельска он и отправился на научно-исследовательском судне «Персей» в плавание по Белому морю и Северному Ледовитому океану. Его впечатления от этого морского путешествия, от Архангельского Севера, от Северной Двины, от знакомства с бытом поморов и жителей ненецкой тундры отразились в повести «Заволочье», опубликованной в 1925 году в журнале «Красная новь». Материал для нее писатель собрал во время экспедиции на остров Шпицберген. Известен отзыв Пильняка об этой его книге: «Кончил я вчера повесть “Заволочье” – об Арктике, Шпицбергене, Новой Земле, Лондоне и о человеке, о Человеке, о прекрасном человеческом знании, о воле знать и о гениальной человеческой воле и праве любить». Революцию в ней заменили «человеческие и арктические страсти».

В повести объясняется значение слова «Заволочье», которое стало ее названием: «Норвежцы называли русский север – Биармией... <...> Новгородцы называли русский север – Заволочьем: – нет, не одни формы определяют искусство и, как искусство, жизнь, – ибо – как написать? – север, северное сияние, дичь самоедов, самоеды в юртах, со стадами оленей, – поморы, – и сюда приходят ссыльные, сосланные в самих себя, в житье-бытье, – и здесь северная, горькая, прекрасная – как последняя – любовь; это где-то, – где в тундре пасутся олени, а на водах по морю вдаль проходят парусники, как при Петре I, и поморы ходят молиться в часовни, самоеды – идолам, вырубленным из полена...» [6, с. 90].

По своей композиции повесть «Заволочье» традиционна: она состоит из трех глав, которым предшествует экспозиция, выполняющая фактически роль вступления (или пролога), и заканчивающаяся своеобразным эпилогом, названным автором «Заключение». Можно говорить об использовании писателем приема композиционного кольца, т. к. она начинается

с описания жизни Лондона, в котором живет Франсис Эрмстет в ожидании «чего-то важного», а заканчивается описанием Москвы, в которой профессор Кремнев, готовясь к новой экспедиции в Арктику, отправляет письмо девушке в Лондон, предупреждая, что они не смогут в ближайшее время встретиться.

Е. Замятин в критическом обзоре «Новая русская проза», отмечая стилевые особенности прозы Пильняка, писал: «В композиционной технике Пильняка есть очень свое и новое – это постоянное пользование приемом “смещения плоскостей”». Одна сюжетная плоскость – внезапно, разорванно – сменяется у него другой, иногда по нескольку раз на одной странице. Прием этот применялся и раньше <...>, но ни у кого с такой частотой колебаний, как у Пильняка...» [3, 359]. Этот прием был характерен и для эстетики кубизма. Поэтику Б. Пильняка характеризуют также черты экспрессионизма, реализующиеся в частом использовании гипербол, и футуризма, проявляющиеся в его увлечении звукописью, использовании приема игры разными шрифтами, разнообразными приемами набора текста и пр.

Для текстового пространства повести Б. Пильняка характерно резкое смещение планов. А. Воронский, размышляя о русской прозе 20-х годов, утверждал, что в отличие от Серрапионовых братьев и большинства молодых писателей 20–30-х годов XX века, «интересной фабулы у Пильняка нет, да и вообще фабулы нет. Не рассказы, не повести, не романы, а поэмы в прозе. Мозаика, механическое сцепление глав» [1, с. 121]. Еще ранее Ю.Н. Тынянов отмечал, что в 1910–1920-х годах появился новый вид повествования, сюжет которого движется путем «кусовой композиции» [7, с. 268]. Борис Пильняк часто обращался и к приему монтажа, способствующему созданию сгущенности художественного времени в произведении.

Многие исследователи определяли прозу Б. Пильняка как «орнаментальную», отмечая ее «ассоциативность» и «синтетичность», подчеркивая, что главная мысль его произведений

заключалась в том, что все в мире связано, объединено по ассоциации, все стремится отразиться в другом [4, с. 58].

Для повести «Заволочье», как и для многих произведений Б. Пильняка, по мнению О. Егоровой, были характерны сквозные герои, общность рамочной ситуации, единое название, эпиграф, сквозная мотивная структура (на наш взгляд, это – мотивы *метели/шторма, страха, смерти, двойничества, одиночества, мужества, долга, судьбы, памяти, любви*); повторение на разных уровнях одних и тех же элементов текста – автоцитация [2, с. 120]. Так, например, в ней десятки раз повторялась фраза о том, что «человек в Арктике жить не может»:

– «На Земле Франца-Иосифа не живет, не может жить человек, и там нет человека.

– На Островах Уиджа – на острове Николая Кремнева – не может жить человек, но там доживали осколки экспедиции Николая Кремнева.

– На Шпицбергене – не может жить человек, но человечество послало туда людей –» [6, с. 50].

В текст пильняковской повести включены документы – научные и исторические справки, радиограммы, записи в экспедиционном журнале, акт о столкновении кораблей, грамота на пергаменте, написанная тушью и вложенная в стеклянную банку, запаянную в железо, на случай гибели экспедиционного судна «Свердруп» и пр.

Повесть «Заволочье» отличается огромным пластом фактического материала. Кроме подробностей, связанных с тем, как непросто проходила арктическая экспедиция, в ее тексте встречаются исторические справки о предыдущих экспедициях, следы которых обнаруживались во время стоянок судна, названия островов, погибших шхун и имена великих исследователей арктических просторов – Ф. Нансена, Г. Брусилова, Г. Седова и др.

Мотивный спектр повести включает мотивы *страха, ужаса, отчаяния*, которые в разные моменты испытывали люди, оказавшиеся наедине с могучей природой, общение с которой и покорение которой требовало от них мужества (а иногда и героизма), терпения и профессионализма.

Команда «Свердруп» многое испытала во время штормов и метелей «когда судно превращалось в ком снега, ветер, который свирепо плевался и гнал волну, невозможность перенести сильную качку, и люди, лежа в койках, то вставляли на ноги, то вставляли на головы...<...> Нельзя было ходить, а надо было ползать; нельзя было есть, потому что не хотелось и потому что ложка проносила мимо рта –>» [6, с. 30–31].

В повести рассказывается о судьбе одной из научных экспедиций и, кроме часто встречающейся здесь морской терминологии, в ней, начиная с эпиграфа, в который вынесена цитата из труда ученого В.Б. Алпатова, чьи исследования продолжал профессор Н. Кремнев, используется и научная терминология, когда перечисляется научное снаряжение экспедиции по гидрологии, метеорологии, биологии.

Лексический состав повести своеобразно подчеркивает и разнородность социальных групп, о жизни представителей которых в ней рассказывается: ученых, инженеров, рабочих, матросов, представителей северных народностей – поморов и самоедов. Психологические портреты некоторых из них, как, например, профессора Николая Кремнева, художника Бориса Лачинова даны подробно, во всей сложности характеров этих персонажей. Созданы колоритные портреты помора Могучего, инженеров Глана и Бергринга. Не часто появляющиеся на страницах повести члены экспедиции метеоролог Саговский, химик Елизавета Алексеевна тоже запоминаются своей яркой индивидуальностью. Выразителен портрет русского помора Могучего, с которым Лачинов встретился во время одной из стоянок судна и вся трагически сложившаяся жизнь которого вместила в один абзац: «У этого человека, у Могучего, есть своя биография, как у каждого, – и она несущественна; за ним числится, как он в дни, когда в Архангельске были Мюллер и англичане, когда они уходили оттуда, он, помор Могучий, взял советское судно, ушел на нем из-под стражи, перестрелял советских матросов, судно продал в Норвегии, на второй его

родине: это несущественно; Европа не уделила ему места на своем материке, право на жизнь погнало его в смерть: нельзя не гордиться человеком, который борьбой со смертью борется за право жить...» [6, с. 62]. Даже небольшая бытовая зарисовка из жизни самоедов дает возможность узнать, что на всей Новой Земле жили только 22 их семьи и что как только появлялось на горизонте редкое судно «самоеды, ошалевшие от спирта, просочившегося на брег с судна, бестолково плавали на своих ёлах от берега к пароходу» [6, с. 14].

В домике инженера Бергринга встречались разные люди с разными взглядами и судьбами, но им было о чем говорить друг с другом: о жизни и смерти, о книгах, о женщинах. Они пили виски по утрам и коньяк по вечерам и слушали музыку. А потом «была ночь, когда люди прощались, – братья, – братья, потому что они вчера встретились по признаку человека, и завтра расстанутся, чтобы никогда больше не увидеть друг друга, – потому что на севере человек человеку – брат –>» [6, с. 50].

Север учит человека не только мужеству, но и терпимости, учит ценить человеческое общение. Девять месяцев в году работающие на Севере люди (и инженеры, и рабочие) были отрезаны от мира, общаясь между собой по радио или радуясь редким поездкам друг к другу на собаках или лыжах. Эти люди жили там, где «не нужно денег, потому что нечего купить, – там люди едят и пьют то, что скоплено, привезено с человеческой земли; там не дают алкоголя. Там нет женщин, – там ничто не родится, и люди приезжают туда, чтобы почти наверняка захворать цингой» [6, с. 53].

Исследователи творчества Бориса Пильняка не раз отмечали, что в его произведениях нет героев, а конкретные ситуации, переживаемые его персонажами, всегда дополняются обобщенно-философскими рассуждениями автора. Большинство пильняковских персонажей лишь поименовано, но каждый из них резко индивидуален. В повести «Заволочье» ни один из них не дан в развитии (не показана их «диалектика души»), разве только alter ego автора – художник Лачинов

с его рефлексией меняет взгляд на свою жизнь: от всего им пережитого происходят изменения в его системе ценностей. При этом «право голоса» в повести Бориса Пильняка получают почти все персонажи. В характерах пильняковских героев всегда переплетается общее, социальное, и индивидуально-неповторимое. Наиболее распространенным в ней становится прием самораскрытия. Мысли и поступки множества людей позволяют писателю создать яркую картину поединка Человека с Природой, многозначным символом которой становится так до конца и непокоренная Арктика, красота которой потрясает.

Из пильняковской повести можно многое узнать и о психологии представителей коренных северных народов, и о людях, временно оказавшихся на арктических просторах, где сложилась определенная этика человеческих отношений. Широко распространенная фраза о том, что «человек человеку – враг», теряет свой смысл на Севере. В этом убедился художник Лачинов, оказавшись после гибели своих товарищей в ледяной пустыне, спасенный не известными ему людьми, построившими на Шпицбергене избушки и оставившими в них запасы для тех, кто будет после них проходить по этим трудным дорогам: «Лачинов на пути своем с острова Кремнева встретил три такие избушки, и они спасли его жизнь. <...>

Быт и честь севера указывают: если ты пришел в дом, он открыт для тебя и все в доме – твое; но, если у тебя есть свой порох и хлеб, ты должен оставить свое лишнее, свой хлеб и порох, – для того неизвестного, кто придет гибнуть после тебя. <...>

Там некому судить человека, кроме него самого, там он один, – и там у всех людей один враг: природа, стихии, проклятье, – там ничто никому не принадлежит, – ни пространства, ни стихии, ни даже человеческая жизнь, – и там крепко научен человек знать, что человек человеку – брат. Там человеку нужны только винтовка и пища, – там не может быть чужого человека, ибо человек человека встречает, как брата, по признаку человек, – как волк встречает

волка по родовому признаку волк. Там нельзя запирает домов, и там – в страшной, в братской борьбе со стихиями – всякий имеет право на жизнь – уже потому, что он смел прийти туда, смеет жить – —».

И в этих условиях человек должен оставаться человеком: «И там человек человеку – должен быть братом, чтобы не погибнуть: но и там человек человеку бывает волком, – там на Шпицбергене нет никакой государственности, ни одного полисмена, ни одного судьи, – но у каждого там есть винтовка и там есть быт пустынь» [6, с. 51, 60–61].

Б. Пильняк, не избегая рассказа о трагических моментах бытия людей на Севере, все-таки чаще рассказывает о величии духа человека, силе его воли, умении все выдержать и не сломаться. После крушения «Свердрупа» по приказу Кремнева был отправлен отряд из 22 человек под командой метеоролога Саговского, который должен был сообщить о местонахождении оставшихся на острове 13 человек, охранявших научные материалы и продолжавших вести научную работу. В переходах по льдам погибли все, кроме Саговского и Лачинова. А потом остался один Лачинов. И дошел.

Повесть Бориса Пильняка отличает нерасторжимое сочетание «социального» и «природного». Как замечал А. Воронский, «властью человека над природой измеряется поступательное движение человеческого духа...» [1, с. 114]. В повести звучит гимн человеческому духу: «...в море, во льды, в страданиях – идут люди, только для того, чтобы собрать морских ракушек и микроскопических зверят со дна моря, чтобы извлечь – даже не пользу, а – лишний кусок человеческого знания: благословенны человеческая воля и человеческий гений!» [6, с. 90].

Человек пришел в Арктику, чтобы использовать ее природные богатства, а для этого надо было ее покорить. Силен человеческий дух, но и арктические просторы нелегко покоряются, при этом потрясая людей своей мощью и красотой. Писатель Пильняк не мог не восторгаться северной природой. По мнению А. Воронского,

«Пильняк очень чуток к природе. Он любит ее, знает ее. Умеет подмечать оттенки, характерные мелочи, не бросающиеся обычно в глаза. Для леса, неба, зимы и осени, метелей у него много слов и сравнений» и как художник, создатель своеобразного, индивидуального стиля, «любит слово», «любит его историю, его первоначальный, коренной смысл, его ядро. <...> И здесь Пильняк верен себе, своему основному художественному методу: искать первичное, девственное, не замутненное позднейшим» [1, с. 128–129].

Величественная природа с ее стихийной силой встает со страниц повести «Заволочье». Писатель одухотворяет все природные явления, зверей и даже неживые предметы («судно, покряхтывая, ложилось на волны»; «берег уходил во мглу»; «мирно и глупо плавали тюлени»; «крутые ползли айсберги необыкновенных прекрасных форм»; «мертво горели север и небо»; «Двина щетинилась»; «ветер выл, срывал людей с палуб, завывал, заметался, засвистел»; «туман не пополз – побежал, заплясал, затыркался»; «вокруг – метели, которые бросаются камнями величиною с кулак»; «капитализм бросает на север людей, чтобы копать железо и уголь»). Тропы, используемые Пильняком, придают особую выразительность и эмоциональность его стилю. Синтаксис Пильняка близок к поэтическому. Очень выразительна звукопись, присущая пильняковскому тексту («Двина заброшена, дика, пустынна, – свинцовая и просторная»; «тундра – прозрачная пустыньность, пустынное небо, пустая тишина»), а также яркие эпитеты, сравнения, олицетворения («тоскливое недоразумение»; «самоеды в одеждах, как тысячелетие»; «стоны в кают-компани были похожи на беззубые челюсти стариков»; «над всем – небо, от которого тихо, как от смерти»; «у карбасов носы, как у турецких тувель»; «льды отрываются от ледяных громад и идут в океан убивать и умирать»).

Выразительность и изобразительность картин природы, нарисованных писателем, заставляют исследователей его творчества говорить о «кружеве метафор», создающем яркий орна-

мент его произведений, и, в частности, в повести «Заволочье»: «К земле “Свердруп” пришел в 0 час. 10 мин. Всю ночь на севере стояла красная, как кровь, никогда не виданная заря, от которой мир был красен. Вода была красной, лиловой, черной, зеленой: потом, за день и за ночь, вода была и как бутылочное стекло, и как первая листва, и как павшая листва, и лиловая всех оттенков, и коричневая, и синяя. А небо было – и красным, и бурым, как раскаленная медь, и сизым, как вороненая сталь, и белым, как снег, и розовым, как розы, – и в полночь ночное небо – темное – на юге. Понурая, земля лежала рядом, горы, глетчеры и снег, – и в извечной тишине кричали на скалах, на птичьем базаре – птицы, словно плачет, стонет, воет, рвет горечью и болью – нечеловеческими! – земля свое нутро, точно воет под землей, нехорошо!...» [6, с. 64]. При этом не могло не появляться чувство гордости за тех, чья нога вступала на эту землю в первый раз: «В каждом человеке все же крепко сидит дикарь: эти земли, эта пустыня, эта мертвь – прекрасны, здесь никто не бывал, – так прекрасно и страшно видеть, изведать и знать первый раз!» [6, с. 75]. Художник Борис Лачинов в повести размышлял «о прекрасной человеческой воле – знать, познавать, волею познать» [6, с. 75]. И как бы ни было трудно, какие бы испытания не выпадали на долю человека на Севере, он туда возвращался еще и еще раз, а иногда и просто оставался там жить, как Лачинов.

Север оставил след в книгах писателей, в картинах художников, в фильмах операторов и режиссеров, в трудах ученых, изучающих природные богатства Северного края. Свой след оставляли и люди, которые почувствовали необычайную притягательность северной земли, сумели «услышать» ее многоголосый зов, в котором были и стон, и боль, и гордость, и восторг. Это произошло с художником Лачиновым, когда он впервые, как и Борис Пильняк, оказался в Арктике, и его поразили увиденные им фантастические картины – и столбы северного сияния, и полярные ночи, и беззвездное небо. Испытав вселенское одиночество,

которое временами охватывает человека, и лю-
тый страх смерти, человек начинает ценить
жизнь, как Борис Лачинов: «Слышать, как рож-
даются айсберги, – как рождаются вот те гро-
мадные голубые ледяные горы, которые идут,
чтобы убивать и умирать по свинцовым водам
и волнам Арктики: это слышать гордо! И это
можно слышать только раз в жизни, и только
одному человеку на десятки миллионов удает-
ся услышать это. И я не случайно беру глагол

слышать: едва ли позволено человеку это ви-
деть, как рождаются айсберги, как раскальва-
ются глетчеры, – ибо человек заплатил бы за
это жизнью» [6, с. 20].

Борис Пильняк справедливо утверждал,
что его повесть «Заволочье» – о человеке, о его
«гениальной воле», и о его вечном стремлении
к познанию, о его праве любить. И о том, что
даже в самых тяжелейших условиях человек
может и должен оставаться человеком.

Список литературы

1. Воронский А. Литературные силуэты. Борис Пильняк // Пильняк Б. Заволочье. М., 2008. С. 103–131.
2. Егорова О. Цикл как жанровое явление в прозе орнаменталистов // Вопр. лит. 2004. № 3. С. 113–130.
3. Замятин Е. Новая русская проза // Рус. искусство. 1925. № 1.
4. Кожевникова Н. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. № 1. С. 55–66.
5. Пильняк Б. Голый год; Повесть непогашенной луны; Рассказы. М., 2009. 412 с.
6. Пильняк Б.А. Заволочье. М., 2008. 160 с.
7. Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М, 1997. С. 255–270.

References

1. Voronskiy A. Literaturnye siluety. Boris Pil'nyak [Literary Silhouettes. Boris Pilnyak]. Boris Pil'nyak. *Zavoloch'e*. Moscow, 2008, pp. 103–131.
2. Egorova O. Tsikl kak zhanrovoe yavlenie v proze ornamentalistov [Cycle as a Phenomenon in Ornamentalist Prose]. *Voprosy literatury*, 2004, no. 3, pp. 113–130.
3. Zamyatin E. Novaya russkaya proza [New Russian Prose]. *Russkoe iskusstvo*. 1925, no. 1.
4. Kozhevnikova N. Iz nablyudeniy nad neklassicheskoy (“ornamental’noy”) prozoy [From Observations of the Non-Classical (“Ornamental”) Prose]. *Izvestiya AN SSSR. Se. literatura i yazyk*. 1976, no. 1, pp. 55–66.
5. Pil'nyak B. *Golyy god* [The Naked Year]; *Povest' nepogashennoy luny* [The Tale of the Unextinguished Moon]; *Rasskazy* [Stories]. Moscow, 2009. 412 p.
6. Pil'nyak B.A. *Zavoloch'e*. Moscow, 2008. 160 p.
7. Tynyanov Yu.N. Literaturnyy fakt [Literary Fact] (in Russian). Tynyanov Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, 1997, pp. 255–270.

Fesenko Emiliya Yakovlevna

Humanitarian Institute, Severodvinsk Branch
of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Severodvinsk, Russia)

THE “ARCTIC” STORY *ZAVOLOCHYE* BY BORIS PILNYAK

The paper analyzes the story *Zavolochye* by Boris Pilnyak. The impressions of the writer who took part in the scientific expedition to the Spitsbergen Island in 1924 were used as a material for this paper. This allows extending the aspect of studying the phenomenon of Northern text in the twentieth-century Russian literature.

Keywords: *Arctic, natural philosophy, ornamental prose, motive spectrum, psychological portrait, style.*

Контактная информация:

адрес: 164500, г. Северодвинск, ул. Торцева, д. 6;

e-mail: e.fesenko@narfu.ru

Рецензент – *Галимова Е.Ш.*, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова